

УЧКУН
НАЗАРОВ

ЛИСТОПАД

УЧКУН НАЗАРОВ

ЛИСТОПАД

ПОВЕСТИ

Перевел с узбекского Н. Гадинаев

Издательство ~~Узбекистана~~ Узбекистана

Ташкент—1974

Обе повести Учкуна Назарова — и лиричны, и драматичны одновременно. Ведь они взволнованно рассказывают о любви, которая порой приносит не только счастье, но и огорчения... Главное, как бы говорит автор, всегда оставаться человеком — искренним, честным, сердечным.

© Издательство «Еш гвардия», 1976 г.

ЛИСТОПАД

Кувшин разобьется — не восстановится.
Разбитое сердце — лишь крепче становится.

Народная мудрость

Договорились встретиться в десять, но Аббас проснулся гораздо раньше. Он любил бывать на природе. Однако выезжать за город удавалось не часто: повседневные хлопоты не оставляли свободного времени. Потому предложение Шавката податься на денек в горы пришлось как нельзя более кстати. В предвкушении загородной прогулки мысли уносились далеко-далеко, странно волнуящие мысли-воспоминания.

...Широкая натура Шавкат. По мелочам не размещивается, но уж если решит что — костями ляжет, а своего добьется. На втором курсе сказал: не по мне педагогика. Бросил. В политехнический вступительные сдавать пошел. Поступил. Окончил. Да еще английским овладел. Сам, без репетиторов. В Афганистан на работу уехал. А через два года на собственных «жигулях» вернулся.

Аббас с Шавкатом давно дружат. Через них и матери сблизились, стали в гости друг к другу похаживать. Вначале Аббасу странным показалось, что Шавкат мать свою невестушкой величает: мать и

вдруг «невестушка»^{*}? Потом узнал, что Шавкат с Махбубой рано осиротели и дядя их к себе на воспитание взял. Время подошло — Махбубу замуж выдал. У самого хлопот полон рот: сын в армии, дочь — невеста на выданьи, но когда Шавкат институт окончил, сыграл ему свадьбу и дом на своем участке построил.

То ли долг свой перед племянником так понимали, то ли старались, чтобы он сиротства своего не чувствовал, только никогда не слышал Шавкат упрека от своих родичей, сам Аббасу не раз говорил, что о лучшем отношении и мечтать грех. Словом, все у парня наилучшим манером складывалось, только вот семейная жизнь с первых же шагов наперекос пошла...

Шавкат — симпатичный парень, расположить к себе умеет. Знакомство с девушкой завести для него легче легкого. А отсюда и отношение к этим знакомствам. Ни разу не замечал Аббас, чтобы Шавкат кем-то по-серьезному увлекся. И вдруг — на тебе: женится!

Позднее выяснилось, правда, что инициатива не от Шавката исходила: отец Джамилы к его дяде «на разговор» приходил. Долго толковали. Шавкат упирался вначале, но в конце концов согласился. Далеко, видно, отношения у него с Джамилей зашли. А тут как раз вопрос о его поездке за границу решался... Словом, сыграли свадьбу.

Сыграть-то сыграли, да только такая семья все равно что дом из мерзлой глины: наступят жаркие деньки — и поплывет, по швам расползется. Недолго прожил Шавкат с молодой женой, в Афганистан ука-

* К е л и н о й и — жена старшего родственника.

тил. Два года даже в отпуск не приезжал. А вернулся и через четыре месяца ушел из дома куда глаза глядят. Все жене с полуторагодовалой дочуркой оставил, только машину с собой забрал.

Теперь у него однокомнатная квартира на Чилан-заре. Кооперативная. Аббас с Наимой частенько к нему заходят. И всякий раз дым коромыслом: выпивка, радиолы на полную громкость, танцы. И всякий раз новые девицы, одна краше другой.

Сколько ни уговаривал Аббас Шавката к Джамиле вернуться,— дочь, мол, все-таки, да и брак еще не расторгнут,— результат один и тот же: выслушает Шавкат, махнет рукой, и опять бокалы звенят, музыка гремит, танцы...

Шавкат очередную подружку с Аббасом оставит, а сам с Наимой в пляс. Кружится с ней по комнате, что-то смешное на ухо нашептывает. Наима прыскает и на Аббаса глядит лукаво, чуть-чуть с опаской.

Другой бы на месте Аббаса давно с Шавкатом порвал. Разные они, ничего, можно сказать, общего. Но Аббас, хотя и видел недостатки друга, кое-какими его чертами восхищался. Да и было чем: решителен, напорист, великодушен Шавкат. Умеет подойти к человеку, да и красноречием бог не обидел. Этим его качествам Аббас, пожалуй, даже завидовал. С таким в любой компании не заскучаешь: растормошит, развеселит, к себе расположит. Глазом моргнуть не успеешь — все от него в восторге. Не припомнит Аббас случая, чтобы Шавкат своего не добился. По этому поводу у него и кредо свое заготовлено: «Бери от жизни, что можешь. На то ты и человек, а не размазня».

Попробуй, переспорь такого. Что и говорить, сложная натура Шавкат, целеустремленная...

Аббас вышел на веранду. Сквозь сочную зелень листьев аппетитно розовели вишни. Стайка воробьев, вспугнутая его появлением, возмущенно чечекая, вспюрхнула с дерева и перелетела в соседний двор. Поодаль пропалывала луковые грядки на огороде мать Аббаса. Маленькая, худощавая, она сидела на корточках, и тщедушное ее туловище, словно заведенное, покачивалось из стороны в сторону.

Мать... Нелегкая выпала на ее долю судьба. Овдовев в тридцать лет, она так и не вышла замуж, хотя свахи навевались в ее дом не раз. Всю себя посвятила сыну. Отказывала себе во всем, чтобы Аббас был сыт и одет не хуже своих ровесников. Пока позволяло здоровье, работала на табачной фабрике, а потом поступила уборщицей в школу, где учился сын.

Старания вдовы Хосият не пропали даром. Аббас проявил незаурядные способности. Отлично учился, окончив школу, легко сдал экзамены в вуз. После окончания института его оставили при кафедре. Вначале в качестве лаборанта, а затем поручили вести семинарские занятия и наконец — читать лекции.

Аббас не терял времени даром: близилась к завершению работа над кандидатской диссертацией, а там и до защиты рукой подать.

И материально стали жить лучше. Аббас капитально отремонтировал дом, провел газ, оборудовал ванную. На место старенькой расхлябанной калитки навесил железные ворота, собственноручно выкрасил масляной краской. Дело явно шло на лад, и на лице тетушки Хосият впервые за много лет снова засияла улыбка. Только непрочно она, материнская радость, оттого, наверное, что рядом всегда тревога. Однажды тетушка Хосият застала сына в подавленном настроении и радость ее сразу померкла. Потом еще

и еще. Мать не находила себе места, терялась в догадках, чем помочь сыну, как к нему подступиться.

«Скучает, — терзалась она, — двадцать пять лет парню. Ровесники уже семьями обзавелись. И ему бы пора, да вот ведь беда — стоит только разговор о женитьбе завести, сам не свой становится. А чего из себя выходит — непонятно».

Но вот уже с полгода тетушка Хосият спокойна: повеселел Аббас. Опять напевает вполголоса, опять блеск в глазах появился задорный. Бреется аккуратно каждое утро. По утрам плещется под краном, фыркает на всю махаллю. А потом нальет полную пиалу сливок, окунает в нее лепешку и уписывает за обе щеки. Давно у парня аппетита такого не было.

Решилась однажды тетушка Хосият, исподволь завела разговор о женитьбе. Глянул на мать Аббас, улыбнулся:

— Послушай, мама, так уж и быть, скажу. Есть у меня одна на примете. Хочешь, приведу, посмотришь?

— Да что ты, сынок! Удобно ли? — всполошилась тетушка Хосият. — Так вот, взять и привести! Увидят соседи, что о девушке подумают? Неудобно, не принято...

Аббас расхохотался.

— Да кто хоть она такая? Узнать, порасспросить надо. Хлеб разломить...

— Придет время, сам все о ней расскажу, — заверил сын.—Тогда, пожалуйста, отводи душу, все правила приличия соблюдай. А пока я и сам в ней еще толком не разобрался. Знаю только, что отец у нее строитель, высотные дома поднимает. Мать умерла. Отец на другой женился. Братишка у нее. Так и живут: отец, дети и мачеха. Вроде бы неплохая девушка. Не болтлива, не из хохотушек. Только...

Вроде бы ничего особенного не сказал сын, просто осекся на полуслове, а в груди словно морозным сквозняком потянуло в предчувствии чего-то недоброго. И никак не отвести полных нарастающего беспокойства глаз от лица сына...

...Стояла поздняя осень. Листопад бродил по опустелым улицам, то сгребая в кучи жухлые пожелтевшие листья, то снова гнал и кружил их вдоль влажно поблескивающих тротуаров. Листопад... Листопад...

На задней площадке троллейбуса спиной к салону стояла девушка. Снаружи к стеклу припал багряный лист чинары. Тонкий девичий палец медленно скользил по матовой поверхности, следуя причудливому рисунку листа. Глаза, не мигая, смотрели в одну точку и только ресницы, если взглядеться, чуть заметно вздрагивали.

Аббас почти каждый день встречал эту девушку в троллейбuse. И каждый раз вид у нее был рассеянный и отрешенный. Порой он ловил на себе ее взгляд, но не было в нем ничего, кроме безразличия и все той же отрешенности. От этого взгляда Аббасу становилось не по себе, и он спешил отвести глаза, чтобы девушка не подумала, будто он за нею подглядывает. Впрочем, оснований у незнакомки к этому не было никаких: Аббас не пытался даже заговорить с нею.

Когда рядом было свободное место, Аббас становился лицом к салону и молча ехал до своей остановки. Если бы его спросили, почему он так поступает, он бы, пожалуй, не смог ответить.

Не доезжая до хореографического училища, девушка машинально отгибала пальцем рукав пальто, бросала взгляд на часы и направлялась к выходу. К тому времени, когда троллейбус трогался, она обычно успевала выйти на тротуар. Аббас поворачивался

к окну и следил за ней взглядом, пока она не скрылась из виду.

Безмолвные эти встречи ни к чему, казалось бы, не обязывали, и все-таки как-то незаметно сближали. Увидев незнакомку в очередной раз, он кивнул ей и она едва заметно кивнула ему в ответ. И хотя Аббас к этому времени, сам еще не отдавая себе отчета, явно заинтересовался попутчицей, дальше этих полупристытий знакомство их не шло. Зато шли месяцы.

И опять была осень. Опять кружилась над городом золотая метель листопада. А в ночь на воскресенье выпал снег, и улицы вдруг утратили почти все цвета, кроме белого, и привычные уличные шумы зазвучали приглушенно, словно в тумане. Но к полудню пригрело солнце, растопило тонкий снежный покров, и все вокруг вновь обрело свои первоначальные краски.

С утра Аббаса не покидало предчувствие чего-то необычного, что должно было случиться именно сегодня. Он почти не удивился, увидев в неурочный час в троллейбусе свою незнакомку. Они снова обменялись кивками, на этот раз чуть более смелыми, и, как обычно, молча продолжали путь рядом. Миновав Центральный универмаг, троллейбус остановился на проспекте Ленина. Он уже трогался, когда девушка, раздвигая пассажиров, неожиданно устремилась к дверям и сошла. У Аббаса мелькнула мысль сойти следом, но было уже поздно и пришлось ждать следующей остановки. Ступив на тротуар, он заколебался: все это выглядело как-то легкомысленно и несерьезно. Однако он пошел по проспекту обратно, неизвестно с какой целью убеждая себя в том, что попутчица повсе не обязательно осталась на проспекте, а вошла в ЦУМ, и тогда все останется по-прежнему,

и это, возможно, даже к лучшему. Ну, а если нет? А если она не в универмаге, а сидит где-то здесь на скамеечке, щурясь и подставляя лицо нежаркому осеннему солнцу? Что ему тогда делать? Подойти? Набраться смелости и просто так подойти и сесть рядом? А что он ей скажет?

Чему быть, тому быть! Нельзя же так до бесконечности. Пора внести ясность. По крайней мере все станет на свои места и незачем будет строить воздушные замки. А на троллейбус он будет садиться с передней площадки. И только.

И что в ней особенного? Красивая? Да мало ли их, красивых! Так чем же эта лучше? Чем приворожила? Чем?.. Может, тем, что в глазах у нее всегда печаль? Будто скрывают какую-то тайну. А может, все это вздор. И она счастлива. И у нее симпатяжка муж и красавица-дочурка?..

«Встречу, не буду знать, куда глаза деть от стыда», — подумал Аббас, и почувствовал себя отчаянным волокитой. Идти расхотелось. Он остановился и поглядел по сторонам. Слава богу, кажется, ее нет. Скамейка у бассейна пуста. На следующей сидят какие-то ребята, а на той, что подальше, — парень с девушкой...

Может быть, она приехала сюда на свиданье со своим парнем? И сидят они вот так же рядышком где-нибудь в укромном уголке. Увидит она Аббаса, шепнет что-то на ухо своему парню, и тот, засучивая на ходу рукава, направится к нему: а ну, мол, проваливай, а не то узнаешь, как на чужих девчонок пялиться!..

Аббас почувствовал на себе чей-то взгляд и оглянулся. На скамейке, прикрыв круглые колени полами пальто, одиноко сидела его попутчица. Выражение ее

глаз за темными очками было трудно определить, но Аббасу почудилось, что уголки губ приподняты в насмешливой улыбке. Заметив, что Аббас обратил на нее внимание, девушка отвернулась и стала листать книгу.

У Аббаса гулко застучало в висках, и ноги словно вросли в землю. С трудом переборов волнение, он направился к скамейке. Девушка, он это заметил, украдкой наблюдала за ним, но когда он подошел, даже не подняла головы от книжки.

— Разрешите? — голос Аббаса прозвучал робко и неуверенно. Девушка окинула его безразличным взглядом, будто не узнавая, и молча подвинула поближе к себе черную лакированную сумочку. Жест можно было истолковать как угодно. Скрепя сердце Аббас присел на скамейку. Он вдруг почувствовал себя здесь чужим и лишним, но мосты были сожжены и не оставалось ничего другого, кроме «активных действий». Со стороны, впрочем, эти «активные действия» выглядели, по-видимому, довольно странно: девушка продолжала читать книжку, а Аббас сидел рядом, не зная, с чего начать. Книжка была ему знакома: томик стихотворений Сергея Есенина, изданный в Югославии. Дома у него на полке стоял точно такой же. Девушка положила томик рядом с собой, сняла очки, протерла стекла платочком и снова надела. Она явно скучала, и сама того не замечая, принялась тереть пуговицу на пальто.

Стайка облаков набежала на солнце, и все вокруг слегка потускнело. Девушка запрокинула голову, словно нарочно выставляя напоказ точеную белую шею и стала, не отрываясь, следить за медленным бегом облаков. Аббас впервые видел ее так близко. Взгляд его скользнул по запрокинутому лицу девуш-

ки, по ее шее, опустился на первую серебряные пуговицу руки и застыл на полных икрах, туго обтянутых голенищами модных, отливающих черным блеском сапог. Почувствовав его взгляд, девушка убрала ноги под скамейку. Аббас вздохнул и тоже стал смотреть на облака. Они редели на глазах: еще немного и сквозь их прозрачную пелену брызнут яркие лучи солнца.

Что-то негромко стукнулось об асфальт и откатилось к ногам Аббаса. Он нагнулся и, подобрав пуговицу, протянул соседке.

— Все к этому и шло, — сказал он.

— Да? Спасибо. — Она взяла пуговицу и стала перекатывать из ладони в ладонь, выжидая улыбаясь. И Аббас вдруг почувствовал, как стоявшая до того между ними незримая преграда тает и расплывается, как облака под лучами солнца. Он понимал, что надо поддержать разговор, не дать ему иссякнуть, искал и не находил нужных слов.

— Вы учитесь на балерину?

— Нет. С чего вы решили?

— Вы всякий раз выходите у хореографического.

— Я преподаю там немецкий язык.

— А я почему-то решил, что вы имеете отношение к хореографии. Как-то и в голову не приходило, что вы — и вдруг учительница.

На сей раз девушка взглянула на него с интересом. «Смотрите-ка, — казалось, говорил ее взгляд, — а вы, оказывается, думали обо мне». Она отвела глаза и улыбнулась.

— Ну, а у меня о вас сведения куда более точные.

— Интересно.

Аббас постарался, чтобы голос его звучал как

можно спокойнее, хотя внутри у него ликовало и цело.

— Вы преподаете в институте. Так?

— Так! — удивился Аббас. — Как вы угадали?

— Не торопитесь, я еще не все сказала. Преподаете химию.

— Да! Но откуда вы-то об этом знаете?

— Нетрудно догадаться. Увидела у вас в руках учебник химии, ну и...

— Учебник мог держать в руках и студент.

— Ну с этим уже совсем просто. В другой раз с вами был реферат по алкалоидам. С рефератами, обычно, имеют дело люди, причастные к науке. Молоденькие парень и девушка, явно студенты, расшаркиваются с вами в троллейбусе и почтительно величают «домулла». Друг к другу студенты так не обращаются. Видите, как все просто?

— Потрясающе! Вы оказались гораздо наблюдательнее меня. Сдаюсь.

Аббас вскочил со скамейки, скрылся за кустами и почти тотчас вернулся с двумя пышными осенними розами. Пунцово-красные лепестки влажно отсвечивали на солнце.

— Прошу принять в знак искреннего восхищения вашим талантом!

— Спасибо. А деньги на штраф у вас при себе?

Она поднесла цветы к лицу, вдохнула еле уловимый аромат и взглянула на Аббаса как-то уже почти совсем по-своейски искрящимися лукавой усмешкой глазами. Аббас продолжал все так же выпрепнне:

— Не откажите в любезности назвать имя той, чья прозорливость повергла меня ниц.

Девушка рассмеялась.

— Зачем оно вам?

— Ну хотя бы затем, чтобы, проводив вас домой, не произносить банального «до свиданья, прекрасная незнакомка».

— А если провожатый уже есть?

День померк, хотя в небе по-прежнему светило солнце.

— Тогда... не называйте своего имени.

— Меня зовут Наима, — скороговоркой произнесла девушка...

...За воротами громко просигналила автомашина. Аббас тряхнул головой, отгоняя воспоминания. В калитку вошел рослый широкоплечий парень. На загорелом лице озорно поблескивали темные глаза под черными, как смоль, густыми бровями. Парень был красив и, чувствовалось, сам отлично сознавал это.

— Здравствуйте, тетушка! — Приветствие прозвучало чуть громче, чем это было необходимо, и, пожалуй, чуть театрально.

Тетушка Хосият поднялась с корточек, отряхивая подол платья.

— Здравствуй, Шавкат. Входи, сынок, как живаешь? Все ли живы-здоровы?

— Спасибо, тетушка. Все в порядке. Сами какживаете?

Обмениваясь традиционными вопросами, они подошли к веранде. Тетушка Хосият пошла на кухню, чуть прихрамывая: отсидела ноги. Шавкат поздоровался с Аббасом, коротко осведомился:

— Готов?

— Давно, — в тон другу ответил Аббас.

— Тогда тронулись. — Шавкат взглянул на часы. — Везет нам — в небе ни облачка, а я побаивался, что погода испортится. Поторапливайся, нам ведь еще этих зануд прихватить надо.

Занудами Шавкат величал всех без разбора девушек, с которыми бывал накоротке... Аббас усмехнулся и поднял с пола увесистую дерматиновую сумку. В нее были уложены еще с вечера мясо для шашлыка, шампуры, редиска, помидоры, несколько бутылок минеральной воды. Друзья направились к калитке.

— Куда же вы?— всплеснула руками тетушка Хоснят, появляясь на пороге кухни, — я чай заварила...

— Спасибо, тетушка. Чай от нас никуда не денется, — откликнулся Шавкат. — Эх и покатаемся мы с вашим сыночком сегодня!

— Счастливого вам пути! Только долго не задерживайтесь, беспокоиться буду.

Весело переговариваясь, друзья вышли со двора.

...Шавкат остановил машину немного не доезжая до дома Наимы. Аббас толкнул дверь, и когда она не поддалась, надавил на кнопку звонка. Во дворе залаяла собака. Дверь отворилась и на пороге вырос мальчуган лет десяти в пилотке из газеты. Аббас что-то сказал мальчугану, тот исчез, а Аббас вернулся и закурил.

— Куда пойдем?

— В Майдантал. Ущелье такое за Бостанлыком. Час езды, зато место — краше не сыщешь. А вот и твоя показалась, встречай.

Аббас оглянулся. Наима шла к ним, неся в одной руке ракетки, а в другой нейлоновую сумку с какими-то свертками. Зачесанные назад волосы были повязаны красной шелковой косынкой. На девушке была серая пуховая кофта и расклешенные книзу голубые брюки. Модные туфельки на платформе бесшумно ступали по тротуару. Подняв на лоб большие солнцезащитные очки, она остановилась, пропуская поток машин.

— Какую красоту заарканил, бродяга! — не то с завистью, не то с сожалением восхитился Шавкат.— Ни одного изъяна. Сплошные плюсы.

Наима и в самом деле относилась к той категории девушек, на которых, взглянув один раз, хочется смотреть еще и еще. Уж кто-кто, а Аббас знал это отлично. И хотя комплимент в адрес Наимы и польстил ему, что-то в голосе дружка заставило его насторожиться. Не слишком ли откровенно завидовал ему Шавкат? Впрочем, он из краснобаев и далеко не все, что говорит, следует принимать всерьез.

Туфельки на платформе чинно прошествовали через проезжую часть улицы и остановились возле машины. Наима поздоровалась с приятелями и, извинившись, что заставила ждать, скользнула на заднее сиденье. Аббас сел рядом и захлопнул за собой дверцу.

Покопавшись в сумочке, Наима достала пару конфет и протянула одну Аббасу. Он сидел лицом к Наиме, поставив локоть на спинку переднего сиденья, и разглядывал девушку, словно видел ее впервые. «Красивая, ничего не скажешь, — подумал он. — Шавкат прав: сплошные плюсы». Мысль не принесла удовлетворения, скорее напротив, — какую-то безотчетную тревогу. Он попытался мысленно взглянуть на себя со стороны и остался недоволен.

«Ну и что?—возразил он себе, — тысячи некрасивых женаты на красавицах. И живут, и дети у них. И, может, даже лучше, когда жена красивее мужа: не наскучит, не будешь на других заглядываться. И вообще...»

Что «и вообще» Аббас не знал. Он вдруг со всей отчетливостью понял, что старается во что бы то ни стало подавить растущее в душе беспокойство. Ему внезапно открылось то, на что он сознательно закры-

вал глаза: нет в их с Наимой отношениях искренности, какие-то они искусственные, и были такими всегда. Да и на что он может рассчитывать со своей внешностью? Ему еще нет и тридцати, а уже начал лысеть со лба. Очень умен? Сомнительно. И хотя бы и так, — разве этого достаточно, чтобы тебя полюбила девушка? Да еще такая, как Наима. А он ее любит. И отсюда неудовлетворенность, отсюда тревога. Может, все сложилось бы по-иному, будь Наима чуточку откровеннее, ласковее. Но она предпочитает отмалчиваться. Может быть, по натуре такая? Но ему-то не легче! Молчаниестораживает, рождает подозрения. Против своей воли он разжигает эти подозрения и в конце концов сам начинает в них верить. И всякий раз, провозжая Наиму домой, дает себе слово, что эта их встреча — последняя. А тут еще тот памятный разговор...

Был холодный ветреный вечер. Аббас дождался, когда у Наимы кончатся занятия, и они молча пошли по пустынной темнеющей улице. Аббас начал первым:

— Давно хочу спросить... Извини, если вопрос покажется глупым... — Он закурил, собираясь с мыслями. — Понимаешь... Ну что ты нашла во мне? Такая красивая... А вокруг столько симпатичных ребят...

Аббас окончательно сбился, взглянул на попутчицу и закончил просящим тоном:

— Ну, ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю.

Девушка некоторое время шла молча, глядя куда-то вниз на распластанные по асфальту листья. Наконец решила.

— Прости, Аббас. То, что я скажу, будет тебе неприятно. Но ты должен знать все... Когда мы с тобой встретились, мне было трудно. Очень. В таком состоя-

нии людей обычно ничего не интересует. У меня получилось наоборот.

— Ты любила кого-то?

— Да!—прозвучало вызывающе резко. Наима прошла еще несколько шагов и продолжала, по-прежнему не глядя на собеседника: — Я сама хотела тебе все рассказать. У нас могут объявиться общие знакомые. Будет хуже, если ты услышишь это от кого-то чужого...

Задолго до знакомства с Аббасом Наима встречалась с другим парнем, собиралась выйти за него замуж, но он уехал учиться в аспирантуру в Москву и там женился на другой девушке.

— Наверное, московская прописка понадобилась, а, может быть, просто не было другого выхода у бедняги, — закончила свой рассказ Наима, и, помолчав, усмехнулась. — Такие вот дела, товарищ Абидов...

Тщетно старался Аббас уловить в ее голосе нотки раскаянья: была в нем тоска и затаенная боль, была обида, и только раскаянья не было.

«Бедняга!..» Аббас тщетно пытался проглотить колючий клубок, подкативший к самому горлу. Что ж... Он ведь сам давно хотел внести ясность в их отношения. Собственно, даже не в их, а в ее отношение к нему. Теперь по крайней мере все встало на свои места. «Бедняга»... О человеке, который тебе безразличен, так не говорят.

— По-моему, ты его до сих пор не можешь забыть.

Клубок, наконец, поддался, оставив после себя саднящую боль в горле, и из-за нее, наверное, голос был каким-то чужим, хриплым.

— Век бы его не видеть! — вырвалось у девушки.

Было в этом восклицании что-то такое, что заставило Аббаса заколебаться. В конце концов, чего не бы-

вает в жизни? У нее это случилось задолго до знакомства с Аббасом. Если все ставить в вину... Коли па то пошло, и сам он не безгрешен: встречался, любил, строил планы... Так уж бывает: из-за какой-нибудь мелочи все летит кувырком...

Шавкат хлопнул дверцей и включил зажигание. Он явно был чем-то расстроен: отмахнулся от Аббаса, когда тот спросил, где его приятельница, резко выжал сцепление, так, что машина рванулась с места, и некоторое время молча следил за дорогой, занятый своими мыслями.

Но постепенно он отошел, настроение опять поднялось, и когда, миновав Бостанлык, «жигули» понеслись среди холмов, усеянных цветущими тюльпанами, он уже снова беззаботно напевал какую-то мелодию.

Горы были великолепны. Увенчанные белоснежными вершинами склоны густо поросли лесом, а там, где деревья расступались, открывая живописные лужайки, — весело зеленела трава и искрились на солнце бесчисленные ручейки. С какой-то одержимой силой цвели заросли шиповника, джиды, боярышника. Под легким ветром покачивались алые тюльпаны. И над всем этим великолепием пронизанное золотистым сиянием солнечных лучей нежно голубело небо.

Раздвигая заросли, машина въехала на лужайку и остановилась возле усыпанных яркими цветами кустов. Шавкат вышел из кабины, широким приглашающим жестом распахнул заднюю дверцу.

— С приездом, друзья! Добро пожаловать! — И, подождав, пока Аббас с Наимой выберутся из машины, добавил с гордостью: — Ну и как? Здорово, правда?